

АЛЕКСАНДР ВИТТ

Принцесса Хелена, шестая
дочь короля Густава

КНИГА ПЕРВАЯ

Александр Витт

**Принцесса Хелена, шестая
дочь короля Густава**

«Издательские решения»

2015

Витт А.

Принцесса Хелена, шестая дочь короля Густава / А. Витт —
«Издательские решения», 2015

Роман «Принцесса Хелена, шестая дочь короля Густава» является весьма вольным приквелом повести «Жук в муравейнике» братьев Стругацких, и входит в цикл произведений с одним фантастическим допущением: исторические события на Земле записаны на свитках Сценариев, являющимися неизвестными артефактами. Воздействие на Сценарии проводят «агенты влияния». Один из них, Вольдемар, получает задание в 1555 году спасти принцессу Хелену, дочь шведского короля Густава Васы. Но, как обычно, что-то пошло не так...

© Витт А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Пролог	7
Глава 1. Начало	9
Глава 2. Крутой поворот сюжета	13
Глава 3. По встречной полосе	16
Глава 4. Лаврик	20
Глава 5. База	21
Глава 6. Консервная банка	22
Глава 7. Забытый линкор	23
Глава 8. Разбирайся сам	26
Глава 9. Предчувствие грандиозного провала	28
Глава 10. Чудны дела твои, Господи	30
Глава 11. Белка	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Принцесса Хелена, шестая дочь короля Густава

Книга первая

Александр Витт

© Александр Витт, 2015

© Геннадий Станиславович Блохин, иллюстрации, 2015

Редактор Елена Вячеславовна Скрябина

Корректор Мария Сидорова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Роман «Принцесса Хелена, шестая дочь короля Густава» входит в цикл произведений с общими героями и одним фантастическим допущением: основные исторические события на Земле записаны на свитках Сценариев, являющимися артефактами неизвестного происхождения.

Последствия их реализации на планете, а также возможная корректировка в соответствии с принципами «непредопределенности» контролирует гуманоидная раса ангелов, не имеющих ничего общего с канонической религиозной трактовкой. Противодействие двух влиятельных групп ангелов, с принципиально различающимися взглядами на вектор развития человеческой цивилизации на протяжении нескольких исторических эпох и является основным конфликтом цикла.

История эта, как обычно, началась не вчера. И, как водится, не завтра закончится. Потому что идет война, и, как, наверное, догадался уважаемый читатель, это война добра и зла. Как на всякой войне, в ней есть солдаты и командиры, разведка, генеральные планы и, конечно, фельдмаршал. Даже два. Уже несколько тысячелетий приближенные зовут их Экселенц, или в соответствии с субординацией Верховный руководитель, и Братец (по иронии судьбы у Экселенца других родственников нет), известный как Мессир, что ему, несомненно, льстит.

Вся эта компания обитает в двух параллельных системах временных координат, но на одном небольшом астероиде с нулевым альбедо. С Земли его не видно, зато последствия действий его обитателей сказываются на обыденной жизни многих жителей нашей планеты. Странное это место называется Базой.

Вольдемар, избранный, уже восемь лет сидит в Питере без связи. Нынешнее его состояние надоело ему настолько, что он сам начинает создавать свой собственный Сценарий событий. И вот, когда до начала его реализации остается несколько часов, к нему приходит Ангел. Как обычно, он пьян.

Попробуйте прожить не одну, а несколько жизней, каждая из которых начинается не с момента рождения, а заканчивается, как правило, насильственной смертью. Друзья, привязанности, любимые женщины уходят в небытие. Надо перешагнуть – и идти дальше.

В 1555 году шведский король Густав Васа попытается создать военно-политический союз с Великим Новгородом, давно ищущим свободы от диктатуры Московии. Для этого необходимо выдать шестую дочь короля, принцессу Хелену Эстрельскую за сына новгородского князя. Однако его планам не суждено сбыться – в средневековый Выборг, где и должна состояться помолвка, уже тайно направляется отряд стрельцов с заданием помолвку сорвать, а принцессу Хелену увести в Москву, при невозможности похищения-убить.

Воздействие, в результате которого Сценарии могут изменять свое течение и непосредственно влиять на судьбы отдельных их персонажей на Земле, проводят «агенты влияния» –

люди, обладающие всей полнотой знаний о вмешательстве расы ангелов в земную историю. Это Игроки, и они практически бессмертны, их сознание может перемещаться из одного тела в другое. Один из агентов, главный герой романа – Вольдемар.

Первое упоминание о Вольдемаре появляется в романе именно в тот момент, когда он получает задание спасти Хелену, и в результате не дать возможности осуществиться альтернативной ветке Сценария, носящем название «Выборг-Густав». Первоначальный план срывается, когда Вольдемар и Елена в бою с прорвавшейся все же группой стрельцов гибнут вместе, сорвавшись с башни Выборгского замка. Перед смертью Вольдемар понимает, что любит Хелену.

Теперь он будет искать ее следующие четыреста шестьдесят лет.

«Если в нашем доме вдруг запахло серой, мы просто обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами и предпринять все меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах»

*Аркадий и Борис Стругацкие,
«Жук в муравейнике»*

Пролог

Side A

– Завтра же! Слышите, завтра же вы будете знать все, что известно в этой части обитаемого мира о Владимире Савватьевиче Чижкове, проходящем под псевдонимом Вольдемар с 85 года! – человек с тонкими чертами лица, в бабочке, гремел на весь кабинет, перекрывая шум плюющейся кофеварки на столике в приемной. Подчиненные, кои безликой серой массой жались по углам в полумраке, по большей части молча пытались выразить свое почтение и готовность тотчас бежать и выполнять.

Ужасно воняло серой. На черный длинный плащ, лежащий на столе, со свечей капал воск, создававший странную смесь ароматов. С непривычки у Красильникова заслезились глаза, и осторожная реплика застряла между клычков и языка. Пересилив себя, Леонид Валерьянович все-таки произнес с некоторым достоинством:

– Я сообщил пока все, что мне удалось здесь достать, у меня допуск только уровня А1, а по этому делу надо лезть в центральный информаторий в Метрополии, основные документы там. Лететь туда меня шеф непустит, а для дистанционного доступа по каналу нужен допуск А0, не меньше.

– Вас, Леонид Валерьянович, мой кровный родственник точно туда непустит, он же помешан на собственной всеильности, и поделиться даже толикой тайного знания для него равносильно тому, что от его нимба кто-нибудь прикурит сигаретку. Ха! Нет, вы мне нужны здесь, на поверхности. Он же ведь ничего не знает про...

– Нет-нет, – поспешил отговориться в полупоклоне Красильников, – что вы, – он продолжал стоять, хотя хозяин кабинета любезно предлагал ему несколько раз присесть. – Никто не знает, кроме вас. Этот архив был такой старый, что его даже нет в глоссарии.

– Как вас вообще туда занесло, Лёня? Архивы же, насколько я знаю, находятся в ведении Хранителя. Он на Базе один. Так сказать, для поддержания статус-кво. А я не видел, чтобы в списках за последние месяцы вы там были.

– Я чищу списки перед сливом на сервер, пароль там простой, и его никто не менял, по моему, лет двадцать. Подстраховался как раз на такой случай.

– Хорошо, я свяжусь с вами. До свидания, Лёня.

Вслед за Красильниковым кабинет покинули и все остальные, перешептываясь и поглядывая на новичка, иногда случайно касаясь его локтем – ни на йоту не доверяя.

Side B

В это время в замке у шефа...

– Скажи, Джон, как ты сам видишь ситуацию? – Анри сидел в кабинете, не снимая засаленного пальто, и пытался раскурить беломорину. Беда с зажигалкой, которая шипела и пыталась пыхать огнем, не давала ему облегчения, оттого старый ангел жевал уже вторую бумажную гильзу.

– Я уверен, что такой объект, как Хранилище, не есть вещь в себе. У него должна быть – и, скорее всего, есть – система связи с происходящим на планете. Возможно, для поддержания собственной стабильности.

– Я перефразирую. Черт, Джон, есть у тебя нормальная зажигалка?

– Нету, чай могу налить, а курить вредно.

– Это Странники, Джон? Ты не увиливай так явно-то, мне знать надо.

– Стругацких начитался, так они же... сам знаешь. Ничего они не знали наверняка, обрывки все. Я, вообще, не очень понимаю эту программу подготовки. Подготовки к чему? Базы эти на Земле, стационарные точки, они там теперь безвылазно сидят. Хотя раньше меняли

дислокацию минимум через полгода, а то и чаще. Саркофаг-инкубатор – исключительно идея братьев, никто им ее не навязывал. Его ведь просто нет! По крайней мере, мы его не нашли. Страшно подумать, если наш Братец его обнаружил первым. Еще страшнее, если геронтологический паноптикум в Метрополии никак на это не отреагировал.

– Хорошо, а если они правы, и канал связи этот сидит у нас под носом, а? Чтобы что-то спрятать, надо это на видное место положить. Вот скажи мне, кто у нас может в любой момент войти в Хранилище? И почему Вольдемар – это может, ты знаешь наверняка? Нет, тогда извини, я закурю и все-таки буду считать, что это все реально, если ты не предложишь мне лучшего объяснения.

Анри зажег огонь между пальцами и с наслаждением пустил сизый дым, вытянув щеки с седыми бакенбардами. Все пространство кабинета покрылось дымной завесой, через которую уже нельзя было ничего рассмотреть.

Глава 1. Начало

«Никогда не разговаривайте с неизвестными». Однако он был мне знаком – в потертом пальто, которое носил уже, наверное, лет двести, с тех пор, как такие только появились – свободного покроя, непонятного серого цвета с оттопыренными карманами, набитыми леденцами.

Я встретил его по дороге за сигаретами. Сегодня они кончились как раз около дома, и я, с облегчением получив повод остаться на некоторое время наедине с самим собой, пошел восполнять дефицит никотина в организме. Отозвав меня в сторону движением руки, Анри, не оглядываясь, побрел к чахлым кустикам. Мы закурили.

– Ты тут надолго? – спросил я.

– Не знаю, – он хрипел, выхлопные газы большого города с непривычки драли горло.

– Есть дело.

Пахло это плохо. Я как раз купил по дороге выпивку и совершенно не собирался приходить домой трезвым. Последние полгода в другом состоянии проводить вечера стало совершенно невыносимо. Тотальное ощущение пустоты, которое нельзя было заполнить никакими действиями, не отпускало ни на минуту уже несколько лет, и я начал к этому привыкать. Люди ко всему привыкают, так они устроены. Однако именно сегодня что-то не задалось, и у меня вдруг засосало под ложечкой.

– Говори, – выдавил я из себя, тянуть все равно было незачем.

– Покурим... ты чего торопишься, не рад, что ли? – осклабился Анри и показал небольшие клычки в уголках рта.

Сколько его знаю, меня всегда волновало, почему он не исправит прикус. Для ангелов это обычно дело, но Анри упорно носил засаленное пальто, жрал леденцы и совершенно не собирался походить на человека при ближайшем рассмотрении. Хотя в районе 8-й Советской он совершенно не выделялся – местные аборигены самого экзотического вида, кочевавшие от пункта сдачи тары до аптеки, так примелькались в этих краях, что на еще одного маргинала никто не обращал внимания.

Я оглянулся в поисках скамейки, нашел одну без выломанных досок, и мы присели. Анри затянулся «Беломором» и пустил колечком дым. Вся эта прелюдия, как обычно, не предвещала ничего хорошего.

– Ты так печень посадишь, – смачно отметил он, и в его глазах загорелись угольки. – Не пройдешь регистрацию, я тебе ничем не помогу.

– Ладно, я и так знаю, – я тоже закурил крепкий Winston. – Тебя давно не было, лет семь.

– Восемь... Ждал? – его слова прозвучали издевательски. – Что-то о твоих успехах давненько не слышно. Ты даже в социальных сетях скучен до неприличия, комментируешь всё чужие посты. Неинтересно...

– А что ты хотел, – я начал закипать, – ты ушел тогда как раз вовремя.

– Я ничего не решал, – зашипел он сразу. – Ты знаешь, как у нас там... строго. Ты нарушил все, что можно. Зачем ты полез наверх со своими прошениями? Верховный так вообще сказал не приходить к тебе ни под каким видом. Я мотался тут рядом по разным неудачникам, а им сколько шансов не давай, они все равно их пропьют. И ты туда же, алкоголик хренов.

Надо сказать, что он был уже достаточно стар для ангела и выпить любил по старой памяти. Как-то мы нажрались с ним на берегу Балтийского моря около Варнемюнде, и он поведал мне, что приходил в гости еще ко всем известной Жозефине, притом в образе гвардейца Сен-Жерменского полка, которые уж точно не отличались нелюбовью к выпивке во всех ее формах и экзотических видах.

Ему, в принципе, даже можно было иногда верить, что я обычно и делал, поскольку настоящих друзей у меня никогда не было. Так сложилось, что он мне смог заменить и их, и отца,

которого я видел крайне редко, пока тот был жив. Кстати, на все мои вопросы о его загробной жизни Анри упорно отмалчивался – только улыбка гуляла между клыков.

Стоял дождливый конец августа. Листья начинали облетать и лежали ранними рыжими пятнами на поверхности грязных луж. В них не отражалось ничего: небо висело над нами абсолютно равнодушным серым полотном без малейших признаков разнообразия, даже птицы перестали летать над городом в это время. Я поежился, сразу сверху закапала холодная мерзость, задул колючий ветер. Домой идти совершенно не хотелось, однако время поджимало, и я начал ждать звонка от знакомого голоса с вопросами.

– Ты как долго собираешься не вылезать из этого дерьма? – в словах Анри отсутствовал вопрос, только глухое раздражение. – Зачем, спрашивается, ты здесь, Вольдемар? Чтобы гулять с собакой по вечерам? Или, может, каждую субботу ездить в ваш этот гипермаркет? Ничего же вообще не происходит.

Я пожал плечами, подумав, что, наверное, со стороны это смотрится вполне обычно – чертова уйма семей так живет.

– Наш после того случая выкинул тебя из всех Сценариев. Ты тогда поперся со своей – подчеркну – несанкционированной мм... инициативой в самое пекло. Помню, Базу трясло от камбуза до рубки от нездорового смеха. Хотя я тебя поддерживал, – неожиданно тихо сказал он.

Отвечать мне было нечего. После давнего провала трудно спорить с таким гостем, который к тому же приходит крайне редко в последнее время и всегда по делу. В этот момент у меня вдруг появилась надежда, что эта осень все-таки закончится для меня белой зимой с пушистым снегом, который будет идти над моим городом совершенно бесшумно и заметет дороги в те места, куда я больше не хочу идти. Я попытался улыбнуться, получилось криво и, наверное, со стороны смешно. Постоянных обитателей сквера это не сильно заинтересовало: двое из них мирно спали за ларьком, а девица неопределенного возраста, сидя на тротуаре, пыталась безуспешно попасть горлышком бутылки в рот. Мне оставалось минут восемь, Анри, наверное, тоже это знал.

– К делу! – он выбросил окурочек и резко встал со скамейки. – Пойдем прогуляемся, – взяв меня за руку, он в мгновение расправил крылья, которые всегда видел только я, и пропал. У меня сдавило горло от перегрузки, на несколько секунд я выпал из реальности. Сознание прояснилось только в тот момент, когда я очнулся на до чертиков знакомой палубе Базы.

Верховный спал в гамаке и сладко посапывал. Мне приходилось переминаясь с ноги на ногу – пол был холодный, а в ботинках к нему в резиденцию никто не входил. Слева за стеной медленно поворачивался голубой шар. Было видно, что над Северной Америкой облачно и сверкают всполохи грозового фронта. Пауза затягивалась.

От нечего делать я начал думать о том, когда я был здесь в последний раз. Ничего не изменилось: та же спартанская обстановка, только в углу на столе появился огромный экран с надкусанным яблоком. «Небось с сервоприводом», – подумалось мне с некоторым сарказмом, и я представил, как старик с видимым удовольствием нажимает на кнопку и смотрит на процесс появления этого чуда инженерной мысли из столешницы молочного цвета.

– Вольдемар, давай-ка выпьем, давно тебя не видел, – отвлек меня от размышлений его мягкий голос с небольшим акцентом, который я так и не смог за столько лет определить.

– С превеликим удовольствием, Экселенц!

Я немного испугался собственной смелости и даже перестал переминаясь на холодном полу, в глубине которого мерно вспыхивали тонкие искорки, как от паровой трубы, так что казалось, будто зал плыл над каким-нибудь «Титаником». «Может, это и вправду был он», – подумалось мне вдруг, но Верховный взял меня под локоть и потянул к бару около противоположной стены. Не пожадничавав, он налил нам по два пальца Johnnie Walker в старые стаканы. Один, с отломанным краешком, взял себе – суеверием он не отличался.

– Надеюсь, не обижаешься за долгий перерыв в нашем общении? – прозвучало это как-то очень официально, и я решил, что задушевного длинного разговора, по крайней мере сегодня, у нас не получится.

– На вас грех обижаться, в прямом и переносном смысле, – в тон ему ответил я, неудачно пытаюсь состричь.

– Раз ты здесь, значит, понадобился, – строго посмотрел он на меня. От его взгляда у новичков обычно почти сразу наступает паралич воли, но я могу его выдержать уже лет тридцать. – Ты, как я понимаю, готов в любой момент приступить? Супруга-то твоя давно ждет уже.

– Да не знаю, – здесь мне пришлось сдержать недоумение, – она же не в Сценарии, как я понимаю.

– Нет, но с женщинами всегда надо учитывать фактор интуиции. Она ждет, что ты преподнесешь ей в один непрекрасный день сюрприз. Правда, она не знает еще, с какой стороны ждать подвоха. Я читал отчет. Про сны же она тебе рассказывала?

– Да, регулярно. Ухожу к другой, она рыдает. Экселенц, а можно ее не впутывать?

– Разбейся сам, сейчас не об этом, – в его голосе появились металлические нотки. – Все пошло не так, времени очень мало, надо было еще два месяца назад тебя привести, но ладно. Мне тебя надо по протоколу спросить, готов ли ты, – взяв шестью костлявыми пальцами свиток, он протянул его мне, – сразу подпишешь?

Понимая, что деваться мне некуда, и нервно сглатывая слюну, я ответил, заранее зная, что нарушаю все, что только можно:

– Нет, – это прозвучало чуть громче обычного. – В прошлый раз было то же самое. В результате по собственной глупости я не имел счастья лицезреть вас целых восемь лет. А мне уже 47, если не забыли, Экселенц.

– Хочешь посмотреть? – его левая бровь поднялась и только этим выдала крайнюю степень удивления. – Ладно, – он как-то удивительно легко согласился, – смотри.

Искорки в полу заплясали ярче обычного. Появилось изображение. Я подошел ближе к середине зала, напряженно всматриваясь в полупрозрачный пол. «Титаник» пропал. По осенней трассе, мимо покрасневшей раньше времени листвы, двигался неновый японский внедорожник. Слева от водителя я увидел до боли знакомое мне лицо Белки, рассеянно смотревшей на дорогу, которая в этот вечерний час практически не освещалась. Очень крупно – наверное, для меня – ее взгляд. Полоснуло тоской и холодом – глаза ничего не выражали, мыслями она была далеко отсюда. Она всегда смеялась, и глаза смеялись вместе с ней. Сейчас же от этого не осталось и следа, темные мысли стянули морщинами ее лоб и затуманили зрачки. Машина плавно шла по Приозерскому шоссе. На ветровом стекле под щеткой застрял ранний опавший листок. Некоторое время ничего не происходило, потом впереди появился белый силуэт фуры.

– Посмотри, хочу обогнать этого долбоеба, – водитель с романтическим именем Егор – это было видно внизу на информационной вкладке – обернулся к Белке, сидевшей слева.

Она, после некоторой паузы, склонила голову влево и посмотрела в темноту:

– Подожди, сейчас... давай!

Автомат послушно увеличил обороты, и старый CR-V потянулся вдоль грязно-серого бока рефрижератора. Прошло секунды четыре, а борт все не кончался. Внезапно впереди, метрах в тридцати, засверкал отблеск лобового стекла встречной машины. В самый последний момент до удара Егор очень четко запомнил свое удивление отсутствием света встречных фар.

Изображение было, судя по всему, со спутника слежения, и я ясно увидел, как впереди с погашенными фарами летит по встречной полосе серая «Нива», практически слившаяся с ночной дорогой. Белка страшно беззвучно закричала, и «Нива» удивительно медленно начала уходить в сторону обочины.

Было поздно. Касательный боковой удар смял капот внедорожника, машины закрутило и отбросило друг от друга. Японец, пропоров бок фуры, загорелся сразу. «Шланги», – подумал

я машинально, запах бензина в кабине, ставший привычным. Двигаясь еще некоторое время, горящее железное месиво медленно остановилось на обочине. «Нивы» нигде не было видно. Из кабины фуры с белым лицом бежал молодой парень, который сразу пропал в клубах черного дыма с багровыми прожилками. Он появился почти сразу, размахивая руками и показывая туда, где ничего живого быть уже не могло. Остановились несколько машин, и парня оттащили от точки смерти.

Картинка погасла. В зале свет стал ярче, и я увидел на лице Верховного нечеловеческую грустную усталость, что в его случае было абсолютно верно – он никогда не был человеком.

– Ты удивлен? – его голос никак не выдавал эмоции. – Тебе придется сделать все, чтобы не допустить реализации новой ветки Сценария «Выборг – Густав». Не стану отрицать, мне пришлось вызвать тебя через восемь лет, потому что... возможно, это Хелена. Да ты и сам это почувствовал, наверное. Так что скажешь? Ты же знал, что придется вернуться в эту точку. И я это знал. После того, как сбилась наводка радара масс-передатчика, и Ее Высочество пропала навсегда, – чувство юмора не покидало шефа даже в такие минуты, но неожиданно для меня Экселенц как-то по-человечески заглянул мне в глаза, – мы с тобой не говорили давно об этом. Я каждый раз просил у тебя прощения, и сегодня не будет исключения. Хотя и прошло столько лет.

– Конечно, я подпишу, давайте бумагу, Экселенц, – я хрипел, у меня дрожали руки, вспотел лоб, и уже привычно засосало под ложечкой. – Это то, о чем я думаю?

Верховный фыркнул и пожал плечами, значит, пришел в норму:

– Думаю здесь я, мой мальчик. Но я даю вам шанс, – он медленно повернулся ко мне спиной и сказал куда-то в пустоту: – Обычно я этого не делаю.

Как всегда, он прежде всего думал о работе, судьба людей для него была лишь вписана в огромное количество Сценариев, лежащих внизу. Меня же интересовал только один, который начался за четыреста пятьдесят лет до этого момента, на самой границе с современной Финляндией. Конечно же, Экселенц знал, что я не откажусь. Простой расчет, ничего более. Он однажды уже пытался мне рассказать о бла-бла-бла спасении мира, глобальной миссии и невероятной ответственности. Молодой я тогда был и поверил ему.

Я и сейчас ему поверил. Наверное, потому, что мои кости не гниют в безымянной выборгской могиле, а находятся внутри вполне приличного тела. И лысоватая башка тоже уверенно и крепко находится там, где ей и положено – на ссутуленных плечах.

Все просто: я – Избранный, агент по шпионской терминологии, и умереть просто так мне не дадут. Единственное, к чему я так и не могу привыкнуть, – к неизбежности воскрешения, возвращению воспоминаний и боли от проникновения в тело тех или иных орудий. Так было и в 1555 году от рождества Христова в славном городе Выборге.

Глава 2. Крутой поворот сюжета

Стучат копыта, тук-тук, тук-тук по старой римской дороге, или не римской – кто ее знает. Зачем-то меня дернуло взять лошадь, а не сесть в повозку к местному представителю финно-угорского народа, как назовут их несколько веков спустя. И теперь лошадь неторопливой рысью шла по направлению к Замку практически в полной темноте.

А должна бы, наверное, нестись галопом, неся на себе гордого седока в сверкающих доспехах, которые освещают все вокруг, даруя свет истины местным землепашцам, коих, к моему счастью, уже второй день не наблюдалось. Я ощупал седельную сумку, лошадь фыркнула, видимо почувствовав слабинку в твёрдом намерении хозяина загнать ее в могилу.

– Ладно, Адель, я ж не изверг всё-таки, – сказал я ей на ухо не очень уверенно.

Во-первых, скорее всего, ее звали не Адель, а во-вторых, русский язык ей на королевской конюшне в Стокгольме не преподавали. Но мне как-то полегчало. До назначенного сеанса связи в окрестностях Сайменского канала оставалось полчаса яркой оглушительной тишины.

Животина радостно замотала гривой и начала заворачивать в сторону еле слышного говорливого переката воды у прибрежных валунов, наверное, метрах в пятистах. Проступали вершины сосен, звезды уступали зеленовато-синий северный небосвод свечению за горизонтом. До рассвета оставалось ждать минут пятнадцать.

Я слез, кряхтя, с кобылы, накинул поводья на сук и отправился за водой, со стороны представляя это презабавное зрелище: сутулый человек в лёгкой кольчуге и в подбитой мехом накидке, с небольшим мечом в ножнах вроде «жала» Бильбо Беггинса, с совершенно ярким и режущим диссонансом светодиодным фонариком во лбу. Когда я шел обратно с полным кожаным ведром воды, фонарь пришлось погасить, чтобы прямым лучом не свести с ума и так настороженно храпевшую Адель.

Скоро, лет через четыреста с хвостиком, здесь будет шоссе. После небольшой развязки дорога прямой стрелой уйдет на Хельсинки и далее, образуя балтийский коридор. И поймать сигнал сразу минимум трех базовых GSM-станций здесь можно будет без труда. Но не сейчас.

Сейчас, проклиная Экселенца с его аутентичностью, я полез повыше на ближайшую сосну. С семиметровой высоты уже виден был краешек Солнца, расчертивший изумрудный оттенок неба теплым водопадом первых лучей. Я сощурился от удовольствия, как кот. Сразу стало тепло и захотелось посидеть на этом суку минут десять, заснуть, заснуть... Шишка! Шишка треснула мне по макушке, и, посмотрев вверх, я увидел белку. Обыкновенную, рыжую. Она кокетливо прикрылась роскошным хвостом и, судя по всему, ждала меня там уже давно. Наши глаза встретились. Она совершенно спокойно держала в лапах еще одну шишку, и я сразу понял, что надо лезть обратно. Забросив антенну по типу белорусских партизан повыше, я быстро полез вниз.

За последние четыре столетия технология Базы ушла далеко вперед. И то, для чего нам в середине десятых годов нужен был какой-никакой электронный монитор, в середине шестнадцатого века превращалось в проблему. Единственный гаджет, который мне дали на складе, я снял с головы и открыл водонепроницаемый кожух. Покрутив колесико и, наконец, добившись чистого свечения зелёного индикатора, я приготовился слушать ценные указания Верховного. Они могли мне действительно серьезно помочь, ибо кроме того, что я уже и так сделал, я не знал ничего, то есть инструкции на этом месте кончались. А каким образом мне попасть внутрь Замка, кем представиться и, в конце концов, где жить, я совершенно не знал.

От громкости божественного голоса Верховного Адель дернулась у сосны, оторвавшись от водооя и прядя ушами.

– Вольдемар, чего у тебя там так темно?

Оказывается, в хреновине была встроена камера. Ответного экранчика, хотя бы и с мышиную задницу, там не предусмотрели. Ладно, зато громогласный рык шефа был убедителен и с лихвой перекрывал недостатки интерактивности.

– Утро, Экселенц. Очень раннее утро, хоть глаз выколи, – я покосился наверх, где на меня с невидимым озорным любопытством пялились два черных зрачка между ушек с кисточками... – Я вас слушаю.

– Король Густав Ваза, обладатель твердой руки, реформатор, не забывает также о состоянии обороны на юго-востоке своего пока еще государства. В 1555, в мае, а именно сейчас мы с тобой и разговариваем, с целью проверки оборонительных укреплений он посетит достославный Выборг. Одному мне известно, зачем, а главное, кто ж его, стервеца, надоумил изменить историю, да так, что все лучшие сотрудники теперь работают на тебя...

– Уже хорошо: будет двор, будут дамы, балы, интриги, турнир и обязательно кого-нибудь прибьют в темном углу, – я начал бурно радоваться. – А я чуть не улетел в ботинках не по моде, хорошо Алисочка меня остановила. Жаль, что продолжение нашего разговора убьёт, скорее всего, саму возможность насладиться мне всем вышеперечисленным.

– Ничего, повеселишься, если сделаешь все в соответствии – слышишь, в полном соответствии – со Сценарием! А он тебе известен из школьного курса истории. Никогда сын новгородского князя, тщедушный и избалованный Милослав, не женится на пятой дочери шведского короля. И тем более ни при каких обстоятельствах она не попадет в руки этих московских стрельцов, – динамик хрипел от натуги, я послушно моргал глазами, все было как всегда. – Въедешь через нижние ворота, там безопаснее. Иди прямо в дом Наместника. Найдешь там Магду на кухне. У нее недавно супруг помер, короче, она там ждет порученца стражи, ты он и есть, собственно, – голос Верховного понизился до шепота, но я все равно расслышал, – Завидую я тебе: скольких туда отправлял к ней за последнее время, никто не жаловался.

Стало мокро, и туман растекался от Саймы. Мы с Аделью плелись в его сумраке, плюнув на мое первоначальное желание увеличить скорость. Вернее, это было ее решение наплевать на сроки. Благородное животное никак не реагировало на мои робкие и не очень удары по бокам, восклицания «Но, пошла!», а также задабривания яблоками и две честные остановки на водопой. Однако в моей голове все двигалось со скоростью курьерского поезда.

Можно сказать, что сверхзадача, она же легенда, она же... конечно, существовала, но далее все было покрыто сплошным туманом. Одно было ясно наверняка – Густав Ваза был озабочен. И не просто войной, податями и другими также обязательными и утомительными занятиями, а совершенно нетипичной, можно сказать, для него ситуацией – поиском лучшего жениха для своей дочери, несравненной Хелены Эстрельской, принцессы земель восточнее Северных озер, получившей по наследству управление населением четверти Шведского королевства и обитавшей в основном на болотистых чухонских наделах.

Вышеозначенная Хелена, по слухам, была молода, дерзка, любила носиться верхом по окрестным к Замку полям в мужском платье, а также разоблачаться в летнюю жару, предаваясь беззаботному омовению в реке, которую позднее назовут Невой.

И вот ведь незадача: через пару дней ее досточтимый папаша вознамерился в славном городе Выборге совместить инспекцию фортификационных сооружений со смотринами и процедурой сватовства своей прекрасной, но, по его мнению, совершенно непутевой дочери, которую он любил больше себя самого, забываясь от отцовской нежности и не думая о том, что его маленькая дочурка уже выросла. Последний неоспоримый факт совершенно не укладывался в его венценосной башке. И так бы он и дарил ей куклы, деревянных коней и игрушечных солдатиков, если бы внезапно не поступило два взаимоисключающих предложения. Но если визит Милослава, а также размер свадебных даров и секретные протоколы с торговыми преференциями были уже согласованы, то неожиданный посланник царя Ивана должен прибыть в выборгский замок через три дня-и совсем неожиданным гостем...

И я должен его остановить. В противном случае по Сценарию началось бы что-то совсем уже непотребное. Ведь это был только повод. Циничный по форме и содержанию отказ Хелены в присутствии многочисленных гостей должен спровоцировать дружину князя устроить резню в Замке, а стремительный бросок рыскающего на границе стрелецкого войска истребит все подвластное Магде чухонское население. Кого именно из перечисленных я должен был прикрывать и спасти, мне не сказали. «Действуй по обстановке», – вот что я услышал в кабинете Верховного с видом на покрытое облачностью восточное полушарие.

Глава 3. По встречной полосе

«Волки», – подумал я, видя, как Адель начала оглядываться и прятать ушами. Облака совсем спустились к верхушкам огромных елок, и нас уже битый час окутывал холодный и промозглый туман, забиравшийся, похоже, через меховой плащ прямо мне под кости. У меня не попадал зуб на зуб, и от этого соображать я начал урывками, в такт рыси Адели. Решив, что с этим надо заканчивать, я сделал глубокий вдох крепкого соснового воздуха и остановился. И сделал это как раз вовремя: со стороны старого моста, который мы проехали минут десять назад, раздались звуки конного отряда и скрип деревянных несмазанных колес.

«Не волки – хуже», – решил я, спешился, и мы с Аделью ломанулись по топкой придорожной канаве и невысокой новой поросли ельника к более или менее плотным кустам метрах в двадцати от старой дороги, которая была в этих местах одна. И если путник не хотел встречаться с другими пилигримами, то другого выхода, кроме как скрыться из глаз, у него и не было.

Адель была умным животным и вела себя тихо, лишь кося глазом в сторону приближающегося конвоя. А то, что это был именно конвой, стало заметно почти сразу. Несколько всадников, не менее десятка, в расшитых красных кафтанах и шапках а-ля рюс гнали пятерых пленников. В грязных остатках их одежды можно было угадать некогда вполне приличное платье зажиточных чухонских землепашцев.

Кавалькада шла медленно, и тому была причина – не было согласия в рядах супостатов. Главный, невысокий и крепкий черноволосый русский, в выделявшемся золотым шитьем камзоле, видно, уже давно собачился со своими спутниками, которые, надо сказать, отвечали ему тем же, но с некоторой опаской и изрядной долей подхалимажа.

Меж тем процессия остановилась как раз напротив меня, и споры вспыхнули с новой силой.

– Пошто, пошто ты деньги себе забрал все? – не унимался один из охранников, выделявшийся маленькой жидкой дьяконской бородкой и рябым лицом. – Так забрал бы и поделил, ан нет! Вон они в подсумке лежат, все же видели! – он обернулся к сородичам, ища поддержки.

Те стояли молча, но по оголодавшим лицам было видно, что оратора они поддерживали. Рябой распаялся все больше:

– И этих пошто везем? Корми их еще, самим жрать нечего. Ты ничего такого не подумай, Воевода Ярославский, мы за тебя горой, да и грамота-то царская только у тебя. Но поговорить с войском надобно, – закончил как-то неуверенно рыжебородый.

– Войско, называется, – как-то уж больно добродушно произнес черноволосый, почесав наросшее брюшко под легкой кольчугой.

Оглянувшись по сторонам, он начал пристально вглядываться в окружающий лес. Мы с Аделью перестали дышать. Нет, все-таки глупых животных не берут в королевскую конюшню. Пронесло! Темный исподлобья взгляд скользнул мимо, на секунду повеяло холодом. Но это было только полбеда. Взвзвизывая ниоткуда ветер принес от группы всадников тонкий, едва уловимый запах. Я сжал рукоять короткого меча и надавил на скрытый тумблер. Нас тотчас накрыло слабеньким полем, которого, впрочем, было достаточно для основной защиты. Переменившись, ветер не сможет нас обнаружить – стук моего сердца и урчание в животе Адель тоже скрылись от восприятия. Хотя в зоне прямой видимости обнаружить нас было можно, но я надеялся, что ребята не пойдут по нужде через топкую канаву.

– Привал, – скомандовал Воевода.

Отряд рассредоточился, спешившись прямо на тропе. Пленники как шли, так и привалились кто где, сжавшись в бесформенную кучу.

– Ты, Борис, бери двоих порукастее, и идите вон туда, – и Воевода указал рукой в противоположную от нас сторону. – Нужно несколько лесин посуше и хвороста.

У троих стрельцов возникло немое недоумение, но благоразумие победило, и они неохотно двинулись в сторону подлеска. Рябой же Борис после произнесенной им смелой речи, видно, совсем морально обессилел и, даже не взглянув в глаза Воеводе, широким шагом двинулся вослед ушедшим. «Я бы не стал на него ставить, – вдруг подумалось мне, – балаболка он, да и реально никто не поддержит его из остальных. Младшие да средние сыновья купцов, из которых царь Иван набрал стрелецкое войско, слишком хорошо знали, что бывает за неповиновение в походе. И не только им – под корень вырезали всю семью, не щадя никого. Жестокое нравы царили в то время в моем Отечестве...»

Через час нашего с Аделью сидения в кустах посередине тропы, или как мне хотелось ее назвать – дороги, воздвиглось круглое строение наподобие вигвама из сухих поваленных еловых стволов и веток хвороста. Тёмно-коричневая масса пленников еще больше сжалась, начал накрапывать мелкий дождик, и стало темнеть. В свете факелов казалось, что тени охранников мечутся хаотично, иногда напозая на темно-зеленую хвою деревьев причудливыми рогатыми чудищами. Но вот в светлое пятно посередине вышел Воевода.

– Дружина, – начал он, – я думаю, что пришло время испытания, – уверенный, хриплый голос с шаманскими интонациями завораживал, лишал воли, и теперь разношерстная компания охранников сбилась в кучу баранов, внимавших пастуху. – Мы вышли две недели назад. Нас было две сотни, помните?

– Помним... – голоса звучали тихо в унисон вопросу, будто эхо.

Я поднялся, чтобы лучше рассмотреть. Опираясь на шею Адели, которую все происшедшее, судя по всему, вогнало в нормальный лошадиный сон. Она лишь немного дернулась, но продолжала видеть сны о королевской конюшне, свежей подстилке и вкусном овсе. Я вытянул затёкшие конечности, уже не боясь быть замеченным: начиналось что-то серьезное, и всем было не до меня.

– Остались только мы. Остальные сгнули в этих чертовых болотах. Но не я, не я...

И тут я понял. Понял, что придется выбирать. Даже не между бездействием и смертью – это было бы слишком просто. Как там Экселенц говорил: знание событий не освобождает от желания их изменить.

Воевода вдруг протянул руки к небу – и закружилась, заструилась полупрозрачная стена вокруг пятна света от факелов и еще незажженного ритуального костра. Пройти ее я не смогу, но вряд ли он боялся этого, его целью были даже не покорные ко всему и до черта измученные чухонские крестьяне. Главное сейчас – заставить разрозненный деморализованный стрелецкий отряд беспрекословно, отринув свою человеческую сущность, принести в жертву пятерых. Ему нужна совершенно беспрекословная зондеркоманда, которая не будет думать о себе, оставшихся семьях или ранах и боли. Собрать их он может только так, связав заклинанием и дав силу пятерых душ.

И что делать мне? Негнущимися пальцами я начал набирать номер Верховного. Зеленый индикатор передатчика горел издевательски жизнерадостно и ярко. На том конце долго не отвечали, но вот...

– Экселенц, непредвиденное осложнение: сейчас здесь принесут в жертву пятерых местных. Я предвижу, что это даст отряду, с которым мы схлестнемся в выборгском замке, значительное преимущество. По крайней мере на стражу Густава мне рассчитывать не придется – стрельцы после этого будут настолько сильны, что сметут ее в миг.

– Кто у них главный сейчас там, где ты находишься? Ты знаешь его имя?

– Это Воевода Ярославский.

Экселенц на том конце провода замолчал. У меня было минут десять, пока Воевода развернет заклинание паралича воли, но надо было торопиться.

– Вольдемар, мальчик мой, – голос Экселенца звучал уж больно деловито, но обращение выдало его с головой. – Мы попытаемся сейчас, минуты через три, пригнать к вам автоматический патрульный бот. Но все, что он сможет сделать – это незаметно нейтрализовать заклятие паралича воли массированным универсальным полем, которое накроет там все в радиусе километра и отменит любые заклинания или техногенное воздействие. То есть он не добьётся своего, они останутся людьми. Но поле не помешает огню. И этому ублюдку тоже.

– А бот сможет снять силовое поле, которым он закрыл все? Боже, Экселенц, осталось меньше пяти минут!

– Отставить панику! – рев Верховного взорвал мой мозг изнутри. – Сейчас поле начнет работать. Ты что, не изучал воздействие такого режима? Черт побери, в Информаторий загоню на месяц, безвылазно! – проклекотав, этот представитель расы ангелов быстро сказал: – Не знаю, что с тобой будет, но тесты – а их было немало – подтверждают, что люди просто садятся на землю в полнейшей протрации и отвращении к любого рода действиям. Может, для тебя это и не так, не в такой степени...

– Экселенц, выходит, либо у меня перед глазами сейчас появятся пять обгорелых заживо трупов, но стрелецкий десант не окажет такого дьявольского сопротивления, которого так хочет Воевода, и в Выборге у меня будет шанс, либо я сейчас кину мой единственный резервный паралитик в режиме неконтролируемого взрыва, может быть, проделаю брешь в этом дьявольском поле и попытаюсь убить как можно большее количество врагов. При этом, скорее всего, итоговой цели не достигну, Воевода меня проткнет чем-то острым, и тот же резервный бот доставит мою трепещущую душу с бездыханным телом пред ваши светлые очи. При таком варианте бедные чухонцы расплзаются по углам и остаются в живых. Все это возможно в случае крайнего, практически нереального везения.

Воевода наконец закончил рисовать узор на старых камнях римской дороги, и мизансцена убийства была передо мной как на ладони. Он вошел в круг света, и я ясно увидел его лицо. Я впился в него глазами, пытаюсь на расстоянии разорвать ему глотку, но только усмехнулся собственным мыслям.

– Шеф, отзовите бот! Я иду...

– Нет, задание должно быть выполнено, и ты мне будешь нужен через два дня в Выборге, живым и здоровым. По крайней мере так записано в Сценарии, твое присутствие там задокументировано как минимум в трех источниках. Извини, Вольдемар, не сейчас.

Меня вдавило в грунт, и я понял, что полевой генератор бота наконец начал работать. Двигаться я совершенно точно не мог, но то, что происходило передо мной, я видел ясно.

Воевода Ярославский, несмотря на непонятно откуда взявшееся сопротивление, все равно двигался достаточно резво. Плевать он хотел на наш бот, он был природным, талантливым темным. Такая первобытная, дикая сила клокотала в нем, что даже мне стало страшно от увиденного.

Как скот, он запихнул по очереди внутрь кострища пятерых пленников, стрельцы при этом стояли в стороне совершенно апатично, придавленные и заклинанием паралича воли, и нейтрализующим полем бота.

Я заплакал от бессилия, от безразличия этого сильного темного монстра ко всему, который не ведал, по чьему приказу и ради какой цели он сейчас лишит жизни пятерых невинных. Следующие минуты мне врезались в память на столетия. Взяв в обе руки по факелу, он с какой-то торжественностью, медленно и уверенно, поднес пламя к засохшим еловым иглам. И взвился костер, треском наполнив пустынную дорогу на километры вокруг.

В полной, абсолютной тишине люди внутри горели заживо. Они даже не двигались, замороженные пиковыми значениями универсального поля бота, бортовые огни которого я видел далеко наверху.

Через полчаса все закончилось. Мне не хотелось вставать, хотя поле уже исчезло, и ничто не мешало уехать прямо сейчас. Отряд всадников давно скрылся за поворотом дороги, а я все лежал, уткнувшись в ковер из засохших иголок, и не хотел подняться. Но меня ждал Выборг. Как всегда.

Глава 4. Лаврик

Выходя из кабинета, помимо привычной секретарши Экселенца, я увидел и нового персонажа – длинноногого, нескладного, очень молодого ангела с бородкой-эспаньолкой и несколько полубезумным оптимизмом в глазах. Отметив новое лицо, я зашагал прочь.

Леонид Валерьянович Красильников, в интерпретации Верховного – Лаврик, попал наверх совсем недавно. По меркам Базы его возраст назвали бы не просто юным, а вообще младенческим, что, однако, не помешало ему через два года занять место подле самого Экселенца. Леонид Валерьянович был горяч, порывист, а также изобиловал идеями различного креативного содержания, которые были направлены исключительно на то, дабы облагодетельствовать все человечество, желательно сразу. В земной жизни Лаврик занимался абсолютно разными вещами. В последнее время, превзойдя свои былые заслуги, одновременно в нескольких ипостасях вывозил на себе целый журнал. Специалист на все руки, он был вписан Экселенцом как минимум в пять Сценариев, так как Верховный имел на него огромные планы.

В летнюю ночь, когда присматривающий за Красильниковым Анри по своему обыкновению предавался любимому занятию, а именно поглощению спиртных напитков и созерцанию обнаженных юных дев в пригородных озерах, Лаврик, уснув за рулем в полном одиночестве, в четыре часа ночи съехал с дороги и протаранил сарай на перегоне Осельки – Васкелово. Как именно Анри не смог увидеть очевидных изменений в сознании Лаврика и не вывернуть руль, никто не знает. Ходили упорные слухи, что одна из особо привлекательных дев в приятном подпитии танцевала при свете луны для старого алкоголика – по странному совпадению это происходило как раз в тот момент, когда Анри должен был выполнять свои прямые обязанности.

Кто тогда видел Экселенца, думаю, никогда этого зрелища не забудет. Шеф разошелся не на шутку и минимум полчаса метал громы и молнии, которые местные питерские синоптики назвали северным торнадо. Вследствие этого далеко не природного явления добрая половина области остались без света и прочих благ цивилизации на целых полтора месяца. Анри пришлось очень быстро тащить бездыханное тело с едва трепыхавшейся душой напрямик на Базу и в качестве почетного обвиняемого присутствовать на легендарном разносе у Верховного.

Белка находилась в самом эпицентре урагана на собственной даче и на себе смогла ощутить разгулявшуюся стихию. Рассказ об этом событии ее знакомым, в том числе Вольдемару, сводился к передаче ощущения первобытной мощи, перед которой земные жители устоять не в силах. Приехавший на следующий день муж притащил генератор, а потом еще долго пилил поваленные деревья, проклиная Верховного, Лаврика и всех ангелов в придачу, поскольку усопший Леонид Валерьянович, вследствие каких-то непонятных причинно-следственных связей, нарушил его очередную финансовую аферу и оставил без Егора средств к существованию.

Успокоившись, Экселенц забрал мальчишку к себе в помощники-ученики, надеясь воспитать из него толкового переговорщика. Пока же Лаврик второй год околачивался в его приемной, постигая премудрости работы вместе с секретаршей Верховного Алисой.

Глава 5. База

Из кабинета шефа я прихватил початую бутылку – Экселенц презентовал мне ее, наверное, от широты души. Там еще оставалось, и я стал шататься по Базе, думая, что Анри рано или поздно проявится на запах дорого виски Верховного. Лучше бы ему поторопиться, через полчаса оно точно закончится.

База постоянно перестраивалась, и этот процесс, по моему разумению, не закончится никогда. Как по мановению волшебной палочки, появляются новые палубы и причальные доки. Я шел сквозь напряженную жизнь этого орбитального мегаполиса, время от времени отрешенно прикладываясь к живительному горлышку, постепенно приближаясь, как мне казалось, к старому доку для малых шаттлов, где мы с Анри пришвартовались сегодня. Придя на место, я увидел группу людей без сопровождающих. Они озирались по сторонам и были немного подавлены. Их ждала встреча с Верховным.

Надо сделать небольшое лирическое отступление: не всякие люди могут к нему попасть. Прежде всего, Экселенца интересуют представители рода человеческого, имеющие одно явно выраженное качество – они могут искренне любить других. Несмотря на известное земное убеждение о всеобщем распространении данного чувства, на самом деле это не так. Число таких колеблется в пределах от 0,1 до 0,3 процентов в популяции, говоря языком наших крылатых аналитиков. А готовыми раскрыть дар считается значительно меньшее количество земных жителей. Парадоксальный сей факт делает этих людей крайне интересными для верхнего руководства. Две европейского вида женщины и один явный мулат жались к аппарели и имели затюканный и загнанный вид. Я прошел мимо и присел в небольшом алькове на мягкую скамейку.

Если бы я видел, чем сейчас занимается Экселенц, думаю, я был бы поражен до глубины души. Но я этого не знал. Вскоре явился на удивление трезвый Анри, и мы стартовали обратно.

Глава 6. Консервная банка с острыми краями

Верховный сидел на жестком стуле рядом со столом и сосредоточенно тыкал шестерней в клавиатуру. Набрав сложный код доступа, он стал ждать ответа. На том конце что-то трещало и ухало, наконец появилось изображение. Интеллигентного вида человек в бабочке приветливо улыбнулся ему и изобразил на лице готовность слушать.

– Как дела, братец? – спросила голова в бабочке. – Ты по-прежнему сидишь в тех же координатах?

– Да, – ответил его собеседник, – в тех же. В гости не собираешься, я надеюсь? – Экселенц рефлекторно внутренне поморщился, но на его светлой личине прочесть эмоции было невозможно.

Последний раз их семейная встреча привела к совсем не братскому выяснению отношений. Он потерял правую руку, будто еще раз ощутив в ней металлическую силу бесконечно острого, в выщерблинах времени, меча. В этот раз вихрь эмоций, который он позволил себе тогда, пришлось унять – сейчас совсем другая цель. Жаль, раздвоенный язык Экселенца норвил выстрелить изо рта и слизнуть к праотцам половину старого космического камня, на котором были выстроены все уровни Базы.

– Зачем звал? – бабочка наклонилась поближе к экрану и стала видна змеиная кожа на шее и скрытые там же небольшие жабры, – я немного занят.

– У меня дело, – Экселенц был спокоен, даже апатичен. – Ты собираешься забрать мальчика и его отца. До них мне дела нет – они твои, а вот она меня очень интересует. Здесь есть на нее планы.

– Ты о них? – экран сразу разделился надвое, и стали видны лица двоих – мальчика и взрослого мужчины с короткой стрижкой и круглым лицом.

– Спасибо, братец, ты сэкономил мне пару минут для объяснений. Ну, что мы решим?

– Как обычно – решит жребий, я думаю, – жабий подборок заколыхался в подобии смеха.

– Хорошо, если я тебя правильно понял, вмешиваться ты не собираешься?

– Ну что ты, конечно, нет. Сценарий все сделает сам, ты только не мешай и все. Обещаешь?

Удача! Вот это удача! Под белой туникой взбугрились мышцы, и Верховный, как мальчишка, еле заметным движением потянулся в кресле. Можно и выпить полстаканчика, сегодня он это заслужил. Раскрылся-таки супостат, в кои-то веки начал убеждать светлых в том, что не надобно лезть в Сценарии – чревато это, мол!

– Не думаю, что сдержу обещание. Не обижайся.

Приятно говорить правду. Он всегда предпочитал так делать, это прерогатива сильных. И сейчас, несмотря на свой приличный возраст, Экселенц снова почувствовал себя мальчишкой, который впервые увидел этот голубой шарик с орбиты. Как же ее звали – Уна? Белый песок с остатками кораллов, тень пальмы, ее губы, шептавшие что-то на этом странном земном, – наверное, так ему запомнилось первое приземление. Тогда он сказал, что никогда не вернется, и это было правдой. Как и то, что теперь он вспоминает Уну каждый раз, когда ему что-то удастся. Ладно, надо работать.

Удивительно довольное, его лицо еще секунду торчало в белизне экрана, но погасло, оставив между братьями ощущение недосказанности и вселенского подвоха – этим они занимались уже не одну тысячу земных лет. Экран отключился, как будто торопился, боясь, что милое лицо собеседника Верховного пролезет в его кабинет.

Глава 7. Забытый линкор

Экселенц встал из-за стола, перестав смотреть в пустоту погасшего экрана на овальной стене, куда он пялился, наверное, уже минут пять после разговора с братом. Походил около стола, разминая ноги, тоскливо посмотрел в сторону бара и по-человечески почесал затылок. Особенное впечатление на него произвела скорость, с которой Мессир перевел картинку с персонажами аварии на выборгском шоссе со своего монитора на экран Верховного: «Это значит, у него файл Сценария был уже загружен, загружен», – машинально повторял про себя Экселенц, мотая головой.

Решился, широкими шагами прошел сквозь темную пустую приемную и, закрывшись полем, начал спускаться по ярусам вниз, выбирая по возможности пустые коридоры. Внизу было относительно многолюдно, хотя собственно людей попадалось немного: встречались либо андроиды, удивительно похожие на людей, либо одинокие ангелы, спешившие по своим делам в этот ночной час.

Прогулка стала спасением от несколько застойного состояния, ступора, в котором нечеловеческие мозги Верховного пребывали после описанного блица с собственным братом. Но уже уверенной мощной поступью он входил в расположение старейшего на Базе аналитического управления Z12, направляясь как раз напрямиком в кабинет его руководителя Джона Карпентера, однофамильство которого с известным земным режиссером последние двадцать лет было предметом зубоскальства половины персонала. Вторая половина, более опытная, предпочитала помалкивать, поскольку за тихим покладистым нравом Джона скрывался взрывной характер, мгновенно превращавший его в минуты опасности в чрезвычайно авторитарного руководителя, тем не менее неоднократно спасавшего безнадежные ситуации. Хорошо, что такие моменты были редки, и немногие помнили последний кризис, случившийся лет шестьдесят назад.

– Здравствуйте, Экселенц, – склонился Джон в стандартном приветствии, спрятав шестипалые руки в складки плаща на талии.

Они присели в плетеные кресла около небольшого столика в просторном холле департамента. Внизу, за небольшим барьером, располагались рабочие места сотрудников, которых в этот ночной час было немного. Визит самого Верховного вызвал у них плохо скрываемый интерес – в обычном переговорном гуле повисла неестественная пауза, только зуммеры срочных вызовов тягуче ввинчивались в наступившую тишину.

– Чай у тебя есть? – начал он издалека. – Может, остался тот «Экскурмэ» из последней поставки?

– Нет, есть малиновый с Земли, они похожи. И ты же помнишь, когда была поставка. Проверяешь, что ли? – ворчал Джон, возясь с заваркой.

Официальная часть закончилась быстро. Экселенц знал Джона уже очень давно, поэтому ломать комедию смысла не имело.

– Ты Поттера помнишь? На твоём же месте сидел лет четыреста назад. Его все звали просто Гарри, потом наш бывший агент проболтался внизу...

– Хорошо, что так, повествование завершилось молодыми годами высокочтимого Поттера. Хотя все равно это плохо, я не сторонник утечек, даже и в таком виде.

– Давай вспоминать его подвиги, не описанные в беллетристике. Вольдемар вернулся.

– То есть это ты его вернул?

– Я бы, может, и не стал. Я, как и ты, не очень люблю выражение «вдруг». А с ним это сплошь и рядом. Но Анри почему-то настоятельно советовал прислушаться, так что это даже не мое решение, он просто передал на словах убедительную депешу из Метрополии с просьбой

вести Вольдемара. А они, к слову, не шлют нам с тобой наш любимый «Экскурмэ» в нужных объемах.

– Я слышал, там, около Дворца правосудия, построили огромный аквариум. Вообще, все помешались на «гыпках», – Джон грассировал совершенно бесподобно, подражая старому Прокуратору.

– Все, кто сидят наверху, просто обязаны завести аквариум и платить огромные деньги за новые экземпляры живности.

– И в этот самый большой аквариум вполне могут поместиться несколько отщепенцев. Они будут в воде махать крыльями примерно сутки, пока Прокуратор не смилостивится. Довольно, мы с тобой все равно ничего не изменим, нам бы здесь разобраться...

– А есть с чем, раз ты пришел сам.

– Да, Джон, есть. Вольдемар изменил течение. И это основная ветка Сценария «Выборг – Густав».

Сказать, что у Джона Карпентера, официально – руководителя аналитического департамента и неофициально – отдела Z12, который ни в какие департаменты не входил и вообще не существовал, изменилось лицо – это ничего не сказать. От красноватого оттенка – к мертвенной бледности, от спокойного свечения нимба – до северного сияния, вот примерно в таких выражениях можно было описать масштабы наблюдаемых Экселенцем изменений.

Сценарий «Выборг – Густав» начался лет четыреста назад, но не был закончен в связи со смертью агента и одной из фигуранток – принцессы Хелены Эстрельской, которые не «воскресали» достаточно долго после этого, кстати. Интересен «Выборг – Густав» тем, что в процессе своей реализации создает ложные течения, практически неотличимые от настоящих. Ни до, ни после ни один Сценарий подобным образом себя не вел.

– Не зря ты его любил так... – почему-то невпопад сказал Джон. – Хорошо, хорошо, – бормотал он, пока, почему-то путаясь в складках плаща, вставал с кресла и подходил к парпету.

– Внимание всем! Сегодня никто не уходит. Завтра с утра мне нужен весь состав департамента на рабочих местах. – Зычный, хорошо поставленный голос гулял под сводами, так что объявление было похоже на сообщение о рейсе в Пулково. – Полевую кухню пригоню, и пусть никто не уйдет обиженный, – немного снизив громкость, сказал он это уже сам себе.

Джон, покачиваясь, стоял напротив Верховного, наливаясь гневом. Потом стал говорить, подбирая выражения, очень тихо, почти шепотом.

– Ты помнишь Монка? Точно же помнишь... Сколько ты его продержал без связи – лет пять? А знаешь, что с ним потом случилось? Когда ты его вернул, он почти нормальный был. Только все время молился, иконы стал на стенах малевать вскорости, но все равно нормальный... почти. Светила психиатрии из Метрополии прилетали, вправляли Монку мозги. Улетели довольные, ты же отчеты их помнишь: «кризис миновал», «устойчивое состояние», «допуск в арсенал». Помнишь же? Знаешь, я же в последний день с ним разговаривал. Ни о чем, просто так. Он потом взял у меня мороженое, так с ним к шлюзу и пошел. С вишенкой сверху. Насвистывал еще что-то, очень довольным выглядел. Потом спокойно зашел в внутрь, разбил аварийный рубильник и вышел прогуляться на поверхность. Пеленг он снял, поэтому его нашли только через час.

– И ты мне будешь это вспоминать каждый раз теперь?

– Нет, не буду, прости. Вывел ты меня, Я вообще больше не хочу об этом говорить. Ты вот не любишь термин «вдруг», и я не люблю. А мы с тобой сами – сами! – бросаем совсем не плохого избранного агента в Питере на восемь лет без связи, хотя он знает и стационарные точки, и следы может видеть... Потому как он, вообще-то, очень несчастен – попробуй вот так в течение столетий спасать мир. При этом никакой благодарности в виде личного персонального счастья...

– Давай лучше по делу. Что ты говоришь, мы должны были вспомнить о Поттере, упокой Господи его душу? Как он не смог объяснить причины внезапного прекращения этого Сценария, да?

Хрестоматийный «Выборг – Густав» изучали во всех Школах, однако это был сокращенный вариант. Открытый финал не давал возможности опубликовать полную версию. Однако именно незавершенность самого необычного Сценария Земли и огромное количество мифов, которые он породил, стали уже забываться. Прошло четыреста с небольшим лет, и все участники, кроме Вольдемара, были далеко. Белка вообще пропала, и только Экселенц знал про ее второе воплощение, которое как раз пришлось на восемь лет отсутствия Вольдемара. Экселенц не выпускал ее из поля зрения ни на день, начиная с пробуждения в номере маленького апарта-отеля в Венеции, когда бывшая принцесса Хелена Эстрельская вдруг совершенно четко поняла, что именно в этом городе она была раньше, еще совсем ребенком. Но ни моторных катеров, ни огромной толпы туристов здесь тогда не было. Был ее отец, Густав Ваза, король Швеции, который со свитой гостил летом у своего дальнего родственника. И огромный балкон, выходящий на Canal Grande. Закат, переговоры гондольеров, вечные голуби на Piazza San Marco, одуряющий запах духов и похоти, который заполнял все пространство между каналами с закатом солнца.

Лежа в душном полумраке комнаты, она медленно осознавала непрерывность бытия. Последние дни в Выборге, бал в честь приезда Короля, шушуканье за крепостными стенами. Странно одетые люди в городе и непонятный язык. И, конечно же, ворвавшийся в ее жизнь Вольдемар.

Глава 8. Разбирайся сам

Все как всегда – именно так можно описать картину, которую я увидел после расставания с Анри. Он посадил меня обратно минут на 5 раньше, и я увидел нас с ним на скамейке в глубине сквера. Наверное, он делал это специально – я всегда не мог понять до конца мотивацию этого старого алкоголика. Я пожал плечами в пустоту и пошел домой.

– Ты все купил? – спросила меня супруга, попутно что-то готовя на кухне.

Ее не было видно, но пахло оттуда вкусно. Ее удивительная способность создавать ощущение движения в квартире говорила о том, что она находилась в своей тарелке.

– Нясик, ты хлеба купил? – ее голова высунулась из двери кухни.

Нясик – это такое мое домашнее прозвище, которое удивляло тещу с самого начала – ей виделось в этом что-то несуразное. Впрочем, ей много чего виделось. Хорошо, Анри ей не являлся в том виде, как я его вижу.

– Нет, забыл.

– Значит, будешь без хлеба все есть, – прозвучало, как приговор.

– Ты Белку помнишь? – я подумал, что тянуть не стоит, к тому же в момент приготовления ужина можно было ненавязчиво прощупать ее реакции.

Внезапно поймал себя на мысли, что начал относиться к этому, как к части работы – видимо, слова Верховного вкупе с его очень хорошим виски упали на давно ждавшую этого почву.

– Это ты, с которой ты «дружишь»? – в интонации сразу появилось недоверие. – Да, конечно, а что?

– Ничего, – я выдохнул горячий воздух, пахнувший котлетами. – Думаю вот, наверное, взять ее поработать, навалилось тут много.

– Бери, конечно, – быстрый ответ не заставил себя ждать, что еще раз дало мне повод предположить существование развитой интуиции у моей дражайшей половины. – Ты же у меня талантливый, – это прозвучало уже так, что я поперхнулся салатом.

Что-то я усомнился, что Экселенц ее не включил, не поверил я в такую скорость реакции на пустом месте. Надо было, может, у Анри выпытать подробности.

В это время в замке у шефа...

Посидев немного, Экселенц набрал новый код. Появившийся в экране небритый человек ужасно походил на Вольдемара, да собственно им и являлся.

Недоумению моему не было предела: только что я искал в торрентах нужный мне альбом, супруга спала после просмотра очередной серии «Дома-2», время подходило к двум часам ночи, и внезапно на мониторе появилось злое лицо Верховного. Время текло на Земле значительно быстрее, чем на Базе, поэтому несколько прошедших земных часов после нашей встречи заняли наверху минут 15, а корректировку никто провести не удосужился.

– Завтра начинай, – сказал мне Экселенц озабоченно. – Думаю, что у тебя полгода, не больше. Другого способа, кроме твоего вмешательства, я придумать не могу.

Вернувшись домой с Базы, я думал только об этом. Дело в том, что не далее, как завтра я собирался сам позвонить Белке и пригласить ее на работу. Визит Анри и последующий разговор были, конечно, приятно неожиданными, но само задание поставило меня в полный тупик.

– У меня вопрос, Экселенц, – я взял себя в руки, остатки хмеля выветрились уже давно. – Зачем было вводить меня? Подписав протокол, я согласился с правилами, а как вы знаете, я люблю их нарушать. И первое правило – непредопределенности. Но оно уже нарушено вами... Не знать о моих намерениях вы не могли, наверное...

Экселенц замолчал и побледнел.

– Я и не знал, Вольдемар, – недоумение на лице расцвело так явно, что не влезало в экран.

И тут Верховный начал ругаться. Перебрав с дюжину малоизвестных ругательств на основных современных языках, он минут через пять перешел к забытым древним, потом пошла уже полная тарабарщина. Выслушав это минут десять, я, наконец, дождался паузы для вопроса. Но он опередил меня:

– Все, доклады мне через день, никакой отсебятины. Даю Анри в прямое подчинение. Нижний ярус всё-таки сделал ход первым, но ничего, ничего, – седые волосы шефа засветились нимбом, он вышел из поля зрения камеры, и я видел, как он ходит размашистыми шагами по кабинету. – Все, отбой, – услышал я, и связь прервалась.

Верховный внезапно принял решение. Хватит, нижний ярус стал слишком опасен. Персонаж в бабочке, по пока непонятным Экселенцу причинам, стал влезать во все большее количество Сценариев, выбивая ключевых игроков, – здесь взгляд шефа скользнул по маячившему в приемной долговязому силуэту Лаврика. Ряды адептов темных росли, пополняясь желающими по собственной воле вкусить запретные плоды нового технократического сегодня, дармовую мощь и полную свободу от любых моральных принципов. Все эти нерадостные мысли мгновенно пронесли в голове Верховного, который в открытые двери своего кабинета наблюдал за обычной перепалкой Лаврика и Алисы, продолжавшейся уже третий год.

Добив свой виски, Экселенц наконец решился. Вызвав Лаврика, он поручил ему первое настоящее задание, которое звучало пока совершенно безобидно. Нужно было только узнать, почему нижних так заинтересовала последняя миссия Вольдемара. Воодушевленный Леонид Валерьянович сразу выдал пять вполне реальных вариантов Сценария, был отпущен с Богом и унесся огромными шагами вглубь коридоров Базы.

Глава 9. Предчувствие грандиозного провала

Подъехав к воротам уже в начале первого, я остановил Адель и спешился. Блики от ярких язычков факелов на башне, в которой располагались старые нижние ворота, как-то недобро освещали умную морду лошади.

– Ну что делать-то будем мы с тобой?

Адель красноречиво молчала, переминаясь с ноги на ногу.

Решив, что пешему мне перелезть через стену будет сподручнее, я снял с лошади хорошее седло, которое можно было еще продать, и звонко хлопнул Адель по потному крупу.

– Иди домой, – мне стало ее жалко, я погладил лошадь, нащупав в кармане последний кусок соленого хлеба, который берег на крайний случай, если Адель заартачится. – На вот тебе, иди отсюда подальше, скорее выживешь.

Гордость королевской конюшни с достоинством повернулась и растаяла в странном желтоватом тумане.

На удивление «переход Суворова через Альпы» прошел быстро и просто. Ворота были приоткрыты, из каптерки стражников веяло вечерними возлияниями, да так, что не только я мог пройти незамеченным, но и свободный проход штурмового танка «Элефант» под фанфары в сопровождении кайзеровского духового оркестра не вызвал бы затруднений. Я, чертыхаясь, на ощупь начал пробираться по камням мостовой, пока не увидел одинокий масляный фонарь, гордость чухонской цивилизации. Под фонарем находилось три объекта: некое существо, наверное, бывшее человеком, корзина с перезрелыми яблоками, издали походившая на раздувшегося ежа, и кот, чье спокойное и философическое настроение выдавали роскошный рыжий хвост и ясные песочного цвета очи. Из очертаний человеческого существа свет масляного фитиля ясно выхватывал только совершенно новые сапоги, не вязавшиеся с рогожкой, которая скрывала все остальное тело.

При моем появлении эта странная конструкция совершенно бесшумно пришла в движение и скрылась за углом скорее, чем я появился в круге света. Оставшись втроем, мы минуту изучали диспозицию. Корзину с яблоками я проигнорировал, кот же сразу заинтересовал меня как потенциальный собеседник. Ничего не могу с собой поделаться, я привык разговаривать на задании. Обычно, исключив общение с Экселенцем, мне поговорить про свое житье-бытье совершенно не с кем. Адель полностью удовлетворяла мою потребность в долгих разговорах, однако сейчас она находилась на пути к своей стокгольмской конюшне. А разговаривать с неодушевленными предметами я не привык.

Прикинув, я решительно, но осторожно достал остатки пайка и предложил Коту (именно так, с большой буквы) кусочек сырокопченой колбасы. Далее произошло совершенно неподдающееся анализу действие: кот грациозно поднял левую лапу и осторожно – я бы сказал, изящно, – подцепил ароматный продукт когтем и, обнюхав, отправил в рот (слово «пасть» просто не пришло мне в голову), абсолютно не поменяв позы. «Контакт установлен», – прикинул я и осторожно протянул к Коту руку. Он залез мне на плечи и устроился на шее.

– Буду звать тебя Захребетник, – сказал я ему.

Кот заурчал в ответ, и мы двинулись искать Магду.

Утром я проснулся от того, что кто-то мягко и ужасно щекотно касался моей голой пятки. Вопреки грязным намекам шефа, вчера вечером Магда оказалась на редкость безликой серой теткой неопределенного возраста, от которой пахло чесноком и пивом. Оценив юмор Верховного, мы с Котом, слезшим с моего хребта и устроившимся у ножки стола, быстро поужинали вполне приличным пивом и свиной ногой с капустой. Я заказал Коту молока и скормил ему несколько кусочков мяса. Удовлетворившись меню Октоберфеста, мы, с чувством выполненного долга, проследовали процессией до нашей комнаты: впереди Магда со свечой и серьез-

нейшим выражением лица, позади я с Котом на шее, куда он залез, совершенно не спрашивая разрешения, грациозно вспрыгнув с пола. Попытавшись безрезультатно уговорить моего спутника стянуть с меня сапоги и получив в ответ лишь презрительный вид колыхающего хвоста и свернувшегося рядом с кроватью рыжего облачка, я мгновенно заснул.

Итак, завтрак прошел аналогично ужину – спокойно, и я вышел на тропу войны. Знать бы, чем все закончится и закончится ли... С высоты балкона на Ленинском проспекте через без малого четыреста лет все это покажется таким... умиротворенным, что ли: солнечное утро, горячий кофе в моем желудке и Кот на спине, мягкая пушистая тяжесть которого пока еще мне не надоела. Ладно, понеслась...

Хорошо было пока только одно – в сумке у меня лежала грамота, гласившая, что некто Вольдемар (а я настоял на этом), сын шведского ювелира Фон Болена, дай Бог ему здоровья, прибыл ко двору светлейшего Густава Вазы для представления оному прекраснейших драгоценностей, призванных украсить церемонию помолвки Хелены Эстрельской. Среди скромных поделок из золота, серебра и заморских камней выделялся блеском и сказочным сиянием зеленый изумруд гигантских размеров. Изумруд мне выделила серьезная Магда внутри тряпичного кулька с документами и огромной золотой цепью, без чего общий вид представителя золотой молодежи ювелирного цеха был бы неполным.

Аудиенция была назначена на одиннадцать часов в доме выборгского бургомистра, ставшем на время пристанищем королевского двора, вернее той его части, без которой сами венценосные особы и шагу не могут ступить, – обоза.

Я вошел внутрь, вживаясь в образ сразу, без каких-либо репетиций: «Нахрена мне они сдались. Ха!» – подбадривал я себя, поднимаясь по лестнице с темными дубовыми перилами к какому-то советнику четвертого класса, коему мне требовалось представить украшения. Заранее заготовив елейную улыбку, подобную литровой банке вазелина, я без стука ворвался в комнату. И остановился как вкопанный.

У окна. Солнце за волосами, старый оконный переплет вот-вот рухнет. Стоять в водопаде солнца, которое обнимает стан Принцессы, нельзя, упасть – невозможно. Я прислонился к косяку, пытаюсь собрать голову, но все равно сползал вниз. Получился арбуз с волосами, внутри которого тепло и сладко плавала мысль. И она была, была, была... стоп!

Это прорыв, каких мало. За последнее время ни одного такого уровня. Орать себе самому «Не влюбись!!!», бить по щекам стеклом и ронять монокль было уже поздно. Вспоминать школьные тренировки, дрожать, представив зловещую улыбку Верховного и его саркастическое «ну-ну», как-то стало сразу даже стыдно и неудобно.

– Это провал, – сказал я сам себе и шагнул вперед.

Глава 10. Чудны дела твои, Господи

*Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!..
Я сам обманываться рад!*

Не могу сказать, что я очень люблю Пушкина, временами даже совсем наоборот: меня бесит его абсолютное чувство прекрасного, где нет ни малейшего намека на несовершенство этого мира. Такая программа чемпионов, можно сказать. Но когда моей душе хочется исчерпывающе точных формулировок, тут он незаменим.

Жажда знаний просыпается не только первого сентября. И после нашей первой встречи с Экселенцом на Базе через восемь долгих лет моей ссылки вопросов оказалось больше, чем ответов. Говоря математическим языком, а, к слову, высшую математику я совершенно не понимал с младых ногтей, количество неизвестных здесь было больше, чем количество уравнений.

Конечно же, на записи я узнал женщину, чей муж так неудачно обогнал белую фуру, чем лишил жизни и себя, и своего ребенка. Даже не ее саму – что-то в выражении глаз внешне заставило меня покрыться холодным потом в кабинете Верховного. Неудачно завершив последнее задание, я сидел в глубокой питерской ссылке. Не то чтобы у меня съехала крыша от безделья, но потребность выдать желаемое за действительное нарастала с каждым прошедшим Новым годом.

Но этот год начался немного иначе. Придя в себя после очередных рождественских каникул и стряхнув с себя благодать недельного ничегонеделания, я вдруг совершенно четко понял, что Хелена Эстрельская возвращается. Что-то было в падающем снеге за окном, чистом запахе морозного невского воздуха, темном предутреннем небе... У меня засосало под ложечкой, я вышел из дома под благовидным предлогом, завел машину и медленно выехал на пустынную набережную.

Сценарии устроены так, что его участники сами по себе неведомым образом в один прекрасный момент концентрируются в одном географическом ареале. Любая из фигур, которые серыми тенями жались в это сероватое утро к домам на Синопской набережной, могла принадлежать ей. Я ни в чем не был уверен. Экселенц вычеркнул меня из обоймы. И у него были не только формальные основания: несанкционированные контакты с его любимым Братцем могли кончиться для любого члена команды Базы даже худшей карой. Я думаю, что просто надоел ему, и он решил устроить мне отпуск на несколько лет. Что ему-то при его практическом бессмертии несколько оборотов планеты вокруг заурядной звездочки!

Запахнув пальто, под которое уже начал забираться промозглый январский холод, и последний раз взглянув на заснеженную Неву с парапета набережной, я уже знал, что буду делать в течение следующих нескольких месяцев.

Глава 11. Белка

Многое в этом мире меня уже не удивляло. Это обстоятельство связано в основном с моментами, о которых либо нельзя поведать вообще, либо можно очень долго рассказывать. Но в истории с Белкой все удивительно просто. Когда я зализывал раны последнего провала и решал, как проживу следующие несколько лет, она появилась как напоминание о том, что меня еще не окончательно списали со счетов наверху. Почувствовав это дуновение, которое спутать ни с чем невозможно, практически сразу я понял, что: а) я не в полной отставке, б) придется подождать. Эти выводы основывались на простом обстоятельстве – Белка была слишком юна для меня.

Воплощение еще не достигло ее. Правда, мне в последние двести лет не раз наяву и во сне казалось, что ее дыхание снова греет мне шею. Она удивительно улыбалась, я не мог смотреть на это спокойно. Ее поразительный внутренний свет и способность смеяться, когда другие плачут навзрыд, делала со мной странные вещи. Я снова чувствовал себя с ней мальчишкой, которому действительно интересно, что она говорит обо всем на свете, не прерываясь ни на минуту. Мы сидели на работе в одной комнате, и вскоре я не мог прожить и получаса, не завязывая с ней диалогов на совершенно безобидные темы. Вместо того чтобы, например, посмотреть телефон кого-либо в справочнике, мне было значительно приятнее спросить у нее. Получив ответ и пару ерундовых комментариев по совершенно отвлеченному вопросу, я чувствовал облегчение. Зрело стойкое ощущение, что нам суждено в один прекрасный момент перейти к более тесным совместным действиям. При всем этом она вела очень активную личную жизнь, что совершенно не мешало мне наслаждаться ощущением ее присутствия в моей жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.